

О ВСЕВОЛОДОМ ВИТАЛЬЕ-ВИЧЕМ ВИШНЕВСКИМ я не был в каких-либо особенно близких отношениях, но сам Всеволод Витальевич обладал способностью проявлять такой живой интерес к людям, и каждому из тех, с кем ему приходилось общаться, так открывался перед ним сам, что после ряда встреч с ним создавалось впечатление той близости, задушевности, взаимной заинтересованности, какая не возникает иногда между людьми, много лет общающимися друг с другом.

Я носился только некоторых стрихов и портрету этого замечательного человека, этого яркого, многогранного явления первых десятилетий нашей советской эпохи. Именно — многогранного! Кем был Вишневецкий? Литератором? Да, и здесь сказались многогранность его таланта: драматург, прозаик, публицист, автор статей по искусству, непревзойденный оратор, создатель особого, ораторского жанра.

Но он уже в 14 лет — солдат империалистической войны, разведчик, он же — красногвардеец, участник Октябрьских боев, он — доброволец Волжской военной флотилии, он — пулеметчик Первой Конной, десантник в тылу у Врангеля, он же — знаток военного искусства, преподаватель Военно-Морской академии.

И все это — грани его личности, его деятельности, и все это пронизано его огромным темпераментом, его целеустремленностью.

...Я впервые увидел и услышал Вишневецкого в начале 30-х годов. Его появление в литературной среде было сразу замечено как появление нового яркого таланта, таланта во всем. Я не читал еще ни одной его строки, но каждое его выступление в спорах о литературе, сила его аргументации, широта и образность мышления — все убеждало в том, что перед нами талантливое, новаторское явление. Он — один из организаторов ЛОКАФа, вдохновитель журнала «Залп», собиратель молодых литераторов, пишущих на военную, военно-морскую тему.

Я вспоминаю зал Академической капеллы в Ленинграде. В довоенные годы в этом зале проходили литературные вечера. В этом зале я неоднократно слушал Вл. Маяковского, в нем выступали Н. Асеев, И. Сельвинский, Э. Багрицкий, М. Светлов, В. Инбер, ленинградцы А. Толстой, В. Шишков, Н. Тихонов, К. Федин, В. Каверин и многие, многие другие.

И вот в этом зале Вс. Вишневецкий читает рукопись своей «Первой Конной». Я слышал драматургов, мастеров читающих свои пьесы. В них все было отработано до последнего слова, до последнего знака препинания. Записанный на бумаге текст оживал в их чтении всем богатством оттенков, зафиксированных с предельной точностью. Происходило чтение написанной пьесы.

Но вот выступает Вишневецкий. Коренастый, собранный, даже несколько скованный вначале, держа в руках рукопись, он начинает читать. Он читает первые строки как будто сквозь зубы, несколько даже небрежно. Но перед мысленным взором его встают персонажи его пьесы, начинают оживать интонации каждого из них, оживляется и сам Вишневецкий, он уже не только читает, он воссоздает их образы, вступает в актерское раскрытие их, его взгляд все чаще отрывается от текста, смотрит то в сторону, вдаль, то в зрительный зал, он движется по сцене, голос его крепнет, и — что это? — он уже не читает, он говорит, «играет» текст, не заглядывая в него. Сначала кажется, что он просто знает текст наизусть, но вот он только держит рукопись в руке, продолжая читать, вот он откладывает ее в сторону и продолжает читать, играть, как хотите это назовите, но это импровизация, талантливейшая импровизация, где с ходу, мгновенно возникают живые образы людей, рождается их живая речь. И перед слушателями-зрителями возникает, живет, шумит, бурлит всеми красками действия и слова. «Первая Конная» — пьеса, кусок героического подвига народа, кусок жизни самого Вс. Вишневецкого. Он и сам — герой этой пьесы. Он играет себя. Себя и других. Он движется по сцене. Вот он прикладывает ла-

доть козырьком к глазам, всматривается вдаль. Вот он переходит на правую сторону сцены, становится на одно колено, как бы вынимая из кармана кисть и бумагу, скручивает самокрутку, закуривает. Живут, движутся герои. Автор играет «Первую Конную».

Я не знаю, что было сильнее — написанный заранее текст или внезапная, с ходу импровизация.

Никто не знал еще текста. Но импровизация восхищала слушателей дыханием незаурядного таланта. Зал почувствовал это и радостно приветствовал пока еще чтение будущей, сквозь десятилетия и сейчас живущей, волнующей, зовущей к мужеству, к героике, дышащей романтикой революции «Первой Конной».

Я вспоминаю осень 40-го года. Жестокий мороз. Город затемнен. Люди движутся по затемненным улицам.

В Доме писателя имени Маяковского — вечер. Выступают прибывшие с финского фронта писатели. Окна в зале занавешены наглухо. На трибуну поднимается Всеволод Вишневецкий.

Опустив глаза, как будто вдумываясь, вслушиваясь в первые свои совсем тихо произнесенные фразы, как будто не находя слов для выражения переполняющих его сознание мыслей, держа

на была в сердце нашего бойца, несущего миру свет против их тьмы, в сердце советского человека...

...В это время в зале внезапно гаснет свет. И внезапно вслед за этим в полной темноте, как будто сделав прыжок, резко, напряженной струной звучит, вырастает, растет на полную мощь голос Вишневецкого:

— Вот так они хотят погасить наш свет, тот свет, что несем миру мы, советские люди, коммунисты, большевики. Металл их орудий, который они обрушивают на нас, несет миру гнет, рабство, мрак; металл наших орудий несет миру свободу и свет. И металл наших орудий, свет наших идей победит, опрокинет мрак, победит тьму. Ибо в ответ на их: да будет тьма! — мы говорим: да будет свет! И он будет, будет...

...В это время в зале вспыхивает свет. Врыв аплодисментов. Овацции зала. Зал встает. Многие — в слезах. Вишневецкий стоит, опустив глаза, взволнованный. Проводит рукой по глазам. Пауза волнения. Смолкает овация.

Вечер продолжается. Но вот грянула Великая Отечественная война... Вишневецкий знал, что она грянет. Он давно уже внутренне был готов к ней. Он готовил себя, готовил и всех, кого только мог.

22 июня на опечатанной им для себя

Я формально не входил в эту группу. Работал в редакции газеты «Красный Балтийский флот». Затем — в Политуправлении. Но Вишневецкий брал на учет все писательские силы, интересовался работой каждого. И с Вишневецким, с его группой я постоянно общался. Вместе выступали на боевых кораблях и в авиачастях, у морских пехотинцев.

Я вспоминаю раннюю весну 1942 года. Многие военные корабли стоят, рассредоточенные в разных местах вдоль берегов Невы. Немцы ведут по ним артиллерийский обстрел. Наискосок от Горной академии, у противоположного берега стоит крейсер «Максим Горький».

Во главе с Вишневецким мы, писатели флота, пришли, чтобы выступить перед командой корабля.

Вступительное слово Вишневецкого. Яркое, броское. Представляя каждого выступающего, Вишневецкий говорит о нем доброе слово.

Выступают поэты, прозаики. Горячо принимают их краснофлотцы.

Вдруг — тревога. Разрывается артиллерийский снаряд. Где-то близко. Дается команда. Часть краснофлотцев идет наверх.

Всеволод Азаров читает:

*Снаряд над площадью свистит,
Кваренги разрушая зданье.*

...Снова свист снаряда. Другой. Третий.

*Снаряд над площадью свистит...
Он может расколоть гранит,
Но мужества не раздробит —
Мы злей еще сражаться станем.*

И сразу же за последней строкой прочитанного стихотворения под свист артснаряда встает Вс. Вишневецкий, и в свист и грохот врывается, врывается его речь:

— Они думают, что их снаряды, их металл способны убить наше мужество, наше слово, нашу волю к победе. Они грозилась превратить в болото наш город, его прекрасную архитектуру, его исторические памятники, его искусство, его культуру. Они кричали о «молниеносной войне», угрожали «блицкригом». Но ленинградцы, жва зубы, изнемогая от голода, выжили, выстояли в 41-м году. Идет весна 42-го. Мы стали сильнее. Город вооружен до зубов. Стреляйте, беснуйтесь, — в нашем городе вам не бывать! Недалек тот день, когда наши корабли пойдут на запад, наши армии пойдут на запад, на запад до самой Германии, до самого Берлина...

Я не в состоянии передать всю его подлинную речь, она была своеобразна по своему построению, по неожиданности сравнений, по снайперской меткости ударов, по убийственной иронии, по страшной эмоциональной накаленности, когда казалось, что не только голос, но все физическое существо оратора напряжено до последнего нерва, когда контакт с аудиторией достигает высшего апогея.

Короткий, решительный жест в конце. Окончена речь. Все, что был в кубрик, восторженно приветствуют Вишневецкого.

В дни блокады мне вместе с другими писателями приходилось неоднократно выступать с Вишневецким по радио. Каждый раз я восхищался им, как, впрочем, и все, кто слушал его в Ленинграде, в Москве — повсюду.

Я уже сказал выше, что Вишневецкий не просто литератор, он — большое явление нашей советской эпохи, он — символ ее романтической революционной устремленности в будущее.

Он как будто и рожден был для того, чтобы, с 14 лет уйдя на фронт, пройти сквозь пять войн, отдать все свои силы великой победе, отдать щедро, до конца, до последнего нерва, и так безжалостно по отношению к самому себе, чтобы, не осуществив своих огромных замыслов, надорваться и упасть, как падает в бою, воинно без страха и упрека.

ЛЕНИНГРАД

Николай БРАУН

ВСЕВОЛОД ВИШНЕВСКИЙ

Всеволод ВИШНЕВСКИЙ (справа) с Ю. ЛАВРЕНЕВИЧЕМ — сыном Бориса Лаврентьева — после освобождения Выборга. Июнь 1944 г.

перед собой на кафедре листок конспекта своей речи (он всегда готовил мелкоисписанный листок конспекта). Но вот голос крепнет. В нем вырастают резкие, гневные интонации. Он говорит о двух мирах, которые столкнулись в эпизодах пока еще малой войны, он говорит об угрозе фашизма, о героизме советских воинов, в сердца которых нацелены фашистские бомбы, фашистские снаряды, фашистские пули. Он говорит, что фашистская пуля — это не миф, это реальность, она существует, заостренная злобой смертоносного свинца... И вдруг Вишневецкий выхватывает из наружного кармана своего кителя пулю и, высоко поднимая ее перед лицом зала, говорит, замедляя речь почти до шепота:

— Вот она, эта пуля, которая нацеле-

памятке очередных дел после слов «Летний отдых. Готовность к военным поездкам» он приписывает от руки: «Грянуло: 4 часа утра 22 VI 1941». И сразу же, 22-го, едет из Перedelкина в Москву, и сразу же — в Таллин.

Я не имею возможности рассказать здесь о неутомимой, непрерывной, не знающей ни сна, ни отдыха работе Вишневецкого в Таллине, которой я был свидетелем. В его замечательных дневниках передано жаркое дыхание тех дней; но только тот, кто видел и слышал его в эти дни, может рассказать о его стойкости, храбрости, мужестве, о том, как он стремился в самое пекло боя, на самую передовую линию огня, чтобы все видеть, все запомнить, все записать на ходу короткими, броскими фразами в свой дневник. И он написал живую летопись боев Балтийского флота, живой документ подлинными событиями.

С оружием в руках в последние трагические минуты обороны Таллина, уже у памятника «Русалка», он поднимал дух бойцов, тесными растущими, напорающими силами противника.

Участвуя в прорыве кораблей, он под бомбами, обрушивающимися с самолетов под артиллерийским огнем с берегов, среди плавающих рогов смерти, при угрозе подводных лодок противника каждый день продолжал вести записи в дневнике, фиксировать события. Он понимал значение этого прорыва, когда из глубокого окружения в невероятно тяжелой обстановке был выведен, спасен от гибели военный флот Балтики. 28 августа в 10 часов 40 минут он записывает:

«Тяжкий путь проходят корабли между вражескими берегами. Это потяжелее Ледового похода. Упорно идем».

Перечитайте дневники этих дней! Дрожь проходит по спине, когда перед вами встают набросанные им на ходу картины мужества, героизма, великой оптимистической трагедии нашего флота, нашего народа.

...И вот Кронштадт. Ленинград. Блокада. Вишневецкий возглавляет группу писателей, руководит, направляет, мобилизует.